

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.901-927>

EDN: NXFTRK

УДК 94(470.5)"15/16"+39(=512.1)+316.34

ЗАУРАЛЬЕ XVI–XVII ВВ.: ТЮРКИ ЗАУРАЛЬЯ ИЛИ БАШКИРЫ?

Г.Х. Самигулов

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Челябинск, Российская Федерация
gayas_@mail.ru*

Резюме. Настоящая публикация является ответом на текст уфимских коллег, в котором они постарались обосновать, что представители тюркского населения Зауралья XVI–XVII вв. были безусловно башкирами. Они попытались продемонстрировать это на примере кланов терсяк, сынрян. Мы же придерживаемся той позиции, что основная масса тюркского населения Зауралья этого времени идентифицировала себя с кланами: табын, терсяк, сынрян, бакатин и т.д. В делопроизводственных источниках конца XVI–XVII в. (да и позже) понятия «башкиры» и «татары» носят характер сословных обозначений. Словом «башкиры» называли ясачное население Уфимского уезда, словом «татары» такое же население Тюменского, Туринского, Тобольского уездов. Формирование башкир и сибирских татар в современном составе происходило в рамках сословных групп Московского государства / Российской империи, и решающую роль в их консолидации сыграли административные границы. При этом сословные обозначения со временем стали восприниматься как этнические. Б.А. Азнабаев с соавторами высказал несогласие с подобной точкой зрения, они постарались показать, что представители кланов сынрян и терсяк со времён Ивана Грозного были башкирами. Они основывались на том, что в документах терсяк и сынрян, как и представители других тюркских кланов зауральской части Уфимского уезда были названы обладателями вотчинных прав на землю. Авторы рассматриваемого текста убеждены, что вотчинным правом на землю в Московском государстве обладали только башкиры. При этом под башкирами понимается народ, а не сословие или сословная группа. Но уже в достаточно большом количестве публикаций показано, что вотчинное право на землю в XVI–XVII вв. было характерно для ясачных людей от Волги до Западной Сибири и никак не связано с их культурной или языковой принадлежностью. Наличие вотчинного права в рассматриваемый период не может служить основой для интерпретации этнической принадлежности его обладателей.

Ключевые слова: кланы, вотчины, сынрян, терсяк, сылвенские татары, башкиры, татары, ясак, волость, уезд

Для цитирования: Самигулов Г.Х. Зауралье XVI–XVII вв.: тюрки Зауралья или башкиры? // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 901–927. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.901-927> EDN: NXFTRK

© Самигулов Г.Х., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

THE TRANS-URALS IN THE 16th–17th CENTURIES: TRANS-URAL TURKIC PEOPLES OR BASHKIRS?

G.Kh. Samigulov

South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
gayas_@mail.ru

Abstract. This publication is a response to the text of our Ufa colleagues, where they tried to prove that the representatives of the Turkic population in the Trans-Urals during the 16th–17th centuries were definitely Bashkirs. They tried to demonstrate this using the example of the Tersyak and Synryan clans. I adhere to the position that the bulk of the Turkic population in the Trans-Urals during that time identified themselves with the clans: Tabyn, Tersyak, Synryan, Bakatin, etc. In the records of the late 16th–17th centuries (and later), the concepts of “Bashkirs” and “Tatars” are class designations. The word “Bashkirs” was used to refer to the yasak population in the Ufa district, and the word “Tatars” referred to the same population of the Tyumen, Turin, and Tobolsk districts (uezd’s). The formation of the Bashkirs and Siberian Tatars in their modern composition took place within the framework of the class groups of the Moscow State / Russian Empire, and administrative boundaries played a decisive role in the consolidation of these groups. At the same time, class designations began to be perceived as ethnic over some time.

B.A. Aznabaev and co-authors disagreed with this point of view and tried to show that the representatives of the Synryan and Tersyak clans had been Bashkirs since the time of Ivan the Terrible. They based their arguments on the fact that in documents the Tersyak and Synryan, as well as representatives of other Turkic clans of the Trans-Ural part of the Ufa uezd, were named as holders of patrimonial (*votchina*) rights to land. The authors of the text under consideration are convinced that only the Bashkirs had patrimonial rights to land in the Moscow State. In this case, the Bashkirs are the people, not a class or class group. But a sufficiently large number of publications have already shown that *votchina* rights to land in the 16th–17th centuries were characteristic of yasak people from the river Volga area to Western Siberia and were in no way connected with their cultural or linguistic affiliation. The existence of *votchina* rights in the period under consideration cannot serve as a basis for interpreting the ethnic affiliation of the people.

Keywords: clans, estates, Synryan, Tersyak, Sylven Tatars, Bashkirs, Tatars, yasak, volost, uezd

For citation: Samigulov G.Kh. The Trans-Urals in the 16th–17th centuries: Trans-Ural Turkic Peoples or Bashkirs? *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 901–927. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.901-927> (In Russian)

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

Так сложилось, что при описании населения Зауралья XVI–XVII вв. на это население экстраполируют ситуацию если не современную, то конца XIX века. И обычно уверенно разделяют тюркское население Зауралья на «башкир» и «татар». Либо же считают практически всё тюркское зауральское население, относящееся к кланам катай, табын, сынрян, терсяк, салют, бакатин и т.д., однозначно башкирами с самого начала их проживания на этих территориях. Достаточно подробно я разобрал версии интерпретаций в одной из работ [40, с. 199–208] и повторять здесь этот обзор нет смысла. Я не разделяю этих позиций и придерживаюсь точки зрения, что понятия «башкиры», «вогулы», «татары», «остяки» в документах XVI–XVIII вв. (а зачастую и вплоть до советского времени) являются обозначениями сословными, что отражено в ряде работ [17, с. 363–396; 32, с. 34–45; 33, с. 138–142 и др.]. В своих публикациях для обозначения тюркского населения этой территории обычно использую словосочетание «тюрки Зауралья», и эта интерпретация неоднократно пояснялась в различных публикациях [17, с. 363–396; 32, с. 34–45; 33, с. 138–142 и др.]. Разумеется, кроме тех случаев, когда речь идёт о какой-то конкретной родоплеменной группе либо сословной группе. В связи с этим мне неоднократно в ходе обсуждения моих докладов на конференциях или в дружественных научных коллективах задавался вопрос: почему я говорю о «тюрках Зауралья»? При этом одни имеют в виду, что можно было бы это население обозначить как татары, а другие настаивают на том, что это башкиры. Несколько лет назад уфимские коллеги в рамках тома «История башкирских родов», посвящённого родоплеменным группам салют, терсяк и сарт, даже опубликовали раздел «К вопросу о “тюрках Зауралья”», в котором попытались показать, что использование этого словосочетания неверно, и упомянутые тюрки являлись башкирами, как минимум со времён Ивана Грозного [41, с. 53–58]. Подобная реакция выявляет необходимость обосновать «легитимность» использования мной обозначения «тюрки Зауралья», а упомянутая публикация уфимских коллег весьма облегчает эту задачу, поскольку демонстрирует аргументацию оппонентов, и остаётся лишь проанализировать её.

Соответственно, задачами представляемой публикации являются: 1. Критический анализ раздела «К вопросу о “тюрках Зауралья”» в томе 19 «История башкирских родов»; 2. Разбор положений, напрямую не прописанных в указанном разделе, но являющихся основой принципиальных выводов и интерпретаций, имеющих в рассматриваемом тексте; 3. Объяснение, что выражение «тюрки Зауралья» является корректным и соответствует действительному положению вещей рассматриваемого периода; 4. Демонстрация факта, что понятие «башкиры» в широком смысле являлось обозначением ясачного населения Уфимского уезда и не является для XVI–XVIII вв. однозначным показателем этнической самоидентификации (равно, как и внешней этнической идентификации) населения, обозначаемого этим словом.

Методика абсолютно традиционна – я полагаю, что для решения этих задач достаточно критичного использования источников, как опубликованных, так и неопубликованных.

В силу специфики вопроса мне придётся давать обширные цитаты из рассматриваемого текста, чтобы избежать обвинений в искажении, передёргивании, умалчивании и т.д. Так же я буду приводить пространные выдержки

из источников, поскольку пересказ в любом случае искажает содержание, а так у читателей будет возможность воспринимать непосредственно исходные формулировки и факты. Выдержки из публикаций, я буду давать курсивом, цитаты из источников, в том числе и цитируемых оппонентами, обычным шрифтом.

Следует отметить, что авторы раздела «К вопросу о “тюрках Зауралья”» не очень придерживались географических рамок, и часть их примеров относится к Приуралью. Но это, наверное, и хорошо, поскольку даёт мне повод также обратиться к сюжетам этносоциальной истории Приуралья. В первой части статьи я постараюсь рассмотреть базовые аргументы уфимских авторов, на основании которых они делают выводы о принадлежности к башкирам тех или иных персонажей или групп населения; во второй части проанализировать доводы оппонентов, касающиеся непосредственно тюркского населения Зауралья; и в завершение небольшое подведение итогов.

После отработки обязательной вступительной части статьи, в качестве завязки основного обсуждения приведу начало рассматриваемого текста оппонентов: *«Нельзя пройти мимо работ, в которых ставится под сомнение башкирское происхождение терсяков и сынрянцев, а сами они объявляются абстрактными «тюрками Зауралья», некими племенами, которые в XVII в. одновременно вошли в состав башкир и сибирских татар»* [41, с. 53–54]. В качестве примера такой работы они приводят мою статью [35, с. 127–131]. Хотелось бы уточнить, что я писал вовсе не только о терсяк и сынрян, я использовал выражение «тюрки Зауралья» применительно к достаточно широкому кругу групп/кланов тюркского населения. Лучше будет процитировать себя, чтобы не запутывать ситуацию: *«Под тюменскими татарами подразумеваются, в данном случае, тюрки, платившие ясак на Тюмень – сынрян, терсяк и бачкыр естественным образом входили в это число как бывшие подданные Сибирского ханства. А затем, как я писал выше, начался постепенный переход в «уфимские татары», что хорошо иллюстрирует один из документов 1648 г.: «сказывал де им ясашной татарин Денметько Терсяк, а прежде сего он ясак плачивал на Тюмень, а ныне де он платит ясак на Уфу...»* [23, с. 613]. *Вопрос: стал ли Денмет после перехода в Уфимское «ведомство» башкиром? И был ли он до этого татарин? Это вообще беда практически всех этноисториков, которые оперируют понятиями «татары» и «башкиры» для больших групп населения эпохи средневековья. Представляется, что для этого времени, применительно к тюркскому населению бассейнов Исети, Пышмы, Чусовой и, возможно, даже Туры, корректнее говорить о «терсяк», «сынрян», «бушкур» («бачкыр»), «киныр» и т.д., а не о татарах и башкирах»* [35, с. 130]¹.

Именно эти мои рассуждения и вызвали протест уфимских коллег. Правда, почему-то они сосредоточились только на сынрян и терсяк, что для меня не понятно. Но начать обсуждение следует всё же не с вопроса о тюрках Зауралья, а с базовых вещей, с тех стереотипов, на которые опираются уфимские коллеги в своих построениях, считая свои выкладки совершенно обос-

¹ И ещё один достаточно важный момент – группы «киныр» в действительности не существовало, была Киньрская ясачная волость Тюменского уезда, название которой было образовано от Киньрского городка, а не от названия клана.

нованными. Поэтому стоит кратко рассмотреть один из постоянно упоминаемых и, увы, мнимых символов башкирской уникальности – вотчинное право на землю и некоторые связанные с ним обстоятельства. Но разобрать этот вопрос следует отталкиваясь от аргументации Б.А. Азнабаева с коллегами, приведённых в рассматриваемом тексте.

О вотчинном праве на землю и не только о нём

Цитирую Б.А. Азнабаева с соавторами: *«Прежде всего необходимо привести воспоминания самих терсяков и сынрянцев о своем прошлом. На протяжении многих десятилетий между башкирами и Строгановыми шел спор относительно земель по р. Чусовой. В 1725 г. они написали коллективное письмо в Уфимскую провинциальную канцелярию, в котором выражали протест по поводу захвата их земель»* [41, с. 54]. В действительности никакого спора между Строгановыми и башкирами, длившегося многие десятилетия, не было. Об этом совершенно конкретно сказано в обращении башкир, которое цитируют С.И. Хамидуллин со товарищи (приведено ниже). Ситуация конфликта сформировалась тогда, когда руководство Сибирского бергамта решило выселить с Чусовой сальют для удобства использования рудников и т.д. Тут власти и вспомнили про жалованную грамоту, данную Строгановым царём Иваном Васильевичем

[15, № 7]. Ну а башкиры, которым начали объяснять, что это земли Строгановых, очень удивились, причем не только сальют (салжеут). Далее я, вслед за уфимскими коллегами, цитирую фрагмент челобитной башкир Сибирской дороги в Уфимскую провинциальную канцелярию 1725 г.: «От нас, Сибирской дороги Мекетинской волости от Оларгула, Челжеуцкой волости от Боскуна, Китайской волости от Карабаша, Табынской волости от Абызана, Терсяцкой волости от Камая, Сенирянской волости от Назара, Шуранской волости от Булата, Чирлинской волости от Мамбетя, А[й]линской волости от Чювашбая, Кубаканской волости от Кашака, Кипчацкой волости от Утяша, Каратабынской волости от Курмангула, Сызгинской волости от Табыкая, и от всех старшин и младших Вам, князю Ивану Григорьевичу, премного челобитье. После челобитья слова: Как всемилостивейшему Всероссийскому государству, преклоня головы свои, начали служить, то владели от начатия содержания Всероссийского престола царя Ивана Васильевича из ясажного платежа и из подводной гоньбы сею вотчиною, и ныне нет пустых вотчин. А сию вотчину волею своею не дадим тем Строгановым, понеже от царства царя Ивана Васильевича спору нету. А Государь излюбил[л] нам [и] из ясаку пожаловал – дал те вотчины...»². Далее – комментарий к этому фрагменту документа С.И. Хамидуллина, Б.А. Азнабаева и др.: *«Как видно из письма, терсяки и сынрянцы считали себя башкирами-вотчинниками как минимум со времен Ивана Грозного. Значит, они были ими и до присоединения Башкирии к Русскому государству, поскольку русский царь лишь подтвердил вотчинное право башкир. Еще Н.Ф. Демидова утверждала, что оно существовало уже в эпоху Золотой Орды. В современных работах это положение получило убедительную аргументацию.*

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 98. Л. 203–203об.

Впрочем, башкиры Сибирской дороги сами неоднократно указывали в челобитных, что владели своими землями “до взятия царства Казанского”. В состав Московского царства башкиры входили уже как сложившаяся этническая и политическая система, в которой каждый род (клан), в том числе сынрянцы и терсяки, имел свою вотчинную территорию с давно очерченными границами. Не случайно, после принятия русского подданства уже не было значительных вливаний инородных групп в состав башкирского народа, если не считать калмыков, каракалпаков и сартов, ставших башкирами посредством адопции, т. е. “усыновления”» [41, с. 53–54].

В этом фрагменте собрана целая коллекция ошибочных стереотипов и ложных трактовок. Поэтому на разборе этой цитаты мы остановимся надолго, что в какой-то мере упростит нам дальнейший анализ. Приступим.

В приведённой цитате из документа 1725 г. просто констатируется, что представители перечисленных волостей приняли подданство Московского государства ещё при Иване Васильевиче и что вотчинами они владеют из уплаты ясака, т.е. как представители ясачного сословия и поступаться вотчинами они не намерены. Кроме того, чётко проговорено, что «от царства царя Ивана Васильевича спору нет», то есть споров за земли по Чусовой не было со времен Ивана Грозного. Всё. Из документа никак не следует, что к моменту принятия этого подданства они были башкирами и тем более представляли собой «сложившуюся этническую и политическую систему». Тем более, что выше в той же книге те же авторы описывают ситуацию разнонаправленности действий разных групп зауральских тюрков в отношениях с ногайцами, Кучумом [41, с. 48–50], сверх того, сообщают, что «Принятие башкирами русского подданства происходило сепаратно, т.е. каждый башкирский клан оформлял отношения самостоятельно» [41, с. 47]. Это достаточно странно для сложившейся политической системы, а если быть более точным, то подобная ситуация свидетельствует о том, что единой политической системы просто не существовало. Что такое «единая этническая система» я не знаю и не очень понимаю, что авторы обозначили этим выражением. Ещё очень интересна фраза про то, что русский царь просто подтвердил вотчинное право башкир – очень хотелось бы увидеть хоть один документ, содержащий информацию о «подтверждении» Иваном Грозным вотчинного права башкир.

Но почему же С.И. Хамидуллин с коллегами сделали из цитированного обращения башкир Сибирской дороги вывод, что они были башкирами к моменту принятия подданства Московского государства? Они, впрочем, как и практически все представители современной Уфимской исторической школы, неукоснительно придерживаются утверждения, сформулированного в «Истории башкирского народа»: «Главной особенностью социально-экономического положения дореволюционных башкир было то, что они с середины XVI до начала XX в. являлись народом-вотчинником. Каждый свободный башкир-общинник имел вотчинное право на землю. Ни один из народов Российского государства не имел таких прав» [13, с. 61]. Характерно, что авторы «Истории башкирского народа» не приводят никаких доказательств этого утверждения, полагая, очевидно, что оно является аксиомой. Увы, это не аксиома, а ошибочное утверждение, влекущее за собой более чем серьёзные последствия в виде заведомо неверных построений. Ошибки в процитированном утверждении две: 1. Башкиры не были народом-вотчинником, они

были вотчинниками, как представители сословия ясачных людей, если угодно, как сословной группы ясачных башкир и сословной группы служилых тарханов. 2. В XVI–XVII вв. вотчинными правами на землю обладали ясачные люди от Волги и до Западной Сибири, т.е. это был один из основных признаков ясачного населения этих территорий. Однако уфимские авторы на вотчинные права представителей других групп ясачного населения закрывают глаза и однозначно ставят знак равенства между понятиями вотчинник и башкир. С их точки зрения, если человек в документе, скажем, XVII в., обозначен как вотчинник, то он являлся башкиром. Как видим, не избежали подобной «логики» и авторы рассматриваемого раздела, о чём ещё будет сказано дальше. А сейчас постараюсь подробнее показать, почему процитированное выше утверждение дважды ошибочно.

Самое главное – вотчинный характер земельных владений определялся вовсе не наличием жалованных грамот, или этнической/клановой принадлежностью вотчинников. С.И. Хамидуллин с коллегами процитировали очень хороший документ башкир Сибирской дороги, где говорится: «Как всемилоштивейшему Всероссийскому государству, преклоня головы свои, начали служить, то владели от начатия содержания Всероссийского престола царя Ивана Васильевича из ясажного платежа и из подводной гоньбы сею вотчиною», здесь всё чётко обозначено – основанием для вотчинного владения является уплата ясака и прочие «службы», в частности, подводная гоньба. В указе царя Петра Алексеевича 1694 г. приводится аргументация башкир всех четырех дорог: «и на те их старинные вотчины у прадедов, и дедов, и у отцов их письменных крепостей нет, кроме ясажной книги, по чему платят в нашу, великих государей, казну куничной и лисий ясак и медвяной оброк» [20, с. 82]. В 1738 г. так же башкиры всех четырех дорог просили: «На наших вотчинных землях, с которых платим мы в казну ея и.в. есак, построены крепости, чтоб соблаговолено было со оных земель, где построены крепости, снять ясаку по рассмотрению» [20, с. 142]. Башкиры Каратабынской волости в 1692 г. писали в челобитной: «А к ним въезжают в ту старинную их вотчину разных волостей башкирцы и всяких зверей бьют и отганивают, а они де, с той старинной вотчины платя ясак по 300 лисиц, и от тех людей и от насильства они оскудели и взять того ясаку негде; и великим государем пожаловать бы их, велеть тех насильных людей, которые не платят с той вотчины ясак с ними, а их имать и присылать на Уфу...» [20, с. 80]. В 1750-х гг. власти решили снять с башкир и мещеряков обязанность платить ясак и заменить ее обязательной покупкой соли. Оренбургский губернатор И.И. Неплюев сообщал Сенату, что первоначальная реакция была скорее негативной: «имели сперва сумнение в том, что ежели с них ясак снимется, то им б чрез то земель своих не лишиться, яко оной на них расположен и числиться по землям», однако, после обещаний, что вотчинные земли останутся за ними, «кажется они, башкирцы и мещеряки, охотно к тому приступили и за отягощение себе не вменяют, разсуждая ис того пользу, что они бес платежа единственно служивыми будут, так как и казаки» [19, с. 427]. Цитирование можно продолжить, но приведённых выдержек из документов достаточно, чтобы обозначить основное – основанием вотчинного землевладения ясачных людей (в том числе и башкир XVI – середины XVIII вв.) была уплата ясака.

И второе – владели вотчинами самые разные группы ясачного населения от Поволжья до Западной Сибири. В писцовых книгах Михаила Кайсарова зафиксированы вотчины сылвенских татар и остяков: «А вотчина у них у всех Рожинских остяков река Шаква от вершины и до устья реки до Сылвы, по обе стороны, на сто пятьдесят верст с бортные ужожи, и звериными и с рыбными ловлями, и з бобровыми гоны... А вотчина их старинная, обща с сылвенскими остяками с Танайком Ебалаковым, да Сыгибирдейком Баишевым... по реке по Сылве вверх от остяцкого от Молебного Камени до Частова острова, по обе стороны реки Сылвы на пятнатцеть верст со всеми угоды; да река Сылва же от Малыя речки до речки Тару; да речка Таз от вершины до устья до реки до Сылвы по обе стороны на пятнадцеть верст; а знамена их писаны выше сего – с Рожинским и Шаквинскими знамены вместе. Рожина же улусы юрты стоят врозни по реке по Сылве и по малым речкам... А вотчина тех Юрманских остяков по реке по Сылве вверх от озера Акзибая выше Органы речки до Сухова врагу, по правой стороны Сылве, со всеми угоды...» [12, с. 45–59]. Царская грамота 1678 г.: «Тюменские де служилые и ясачные Татаровя владели изстари же вотчинными землями на Тоболе реке, а ныне де на тех их старинных вотчинах и урочищах ловят всякого зверя, бобры и выдры, и хмель и орловые гнезда снимают силно всяких чинов Руские люди, и их Татар теснят и изгоняют, а с тех де вотчин они служилые Татаровя служат нашу Великого Государя службу, а ясачные пашут пашню и ясак платят» [8, с. 49–50]. В «Писцовой книге мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/1630) года» вполне обычной является запись наподобие этой: «С тое ж Стануровские мордвы, оприч Маканка Тотина с товарищи, шти человек, с их вотчин, з бортных ужожеев, по их скаске верхового медвеного оброку четьре пуда пятнатцать гривенок меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег дватцать алтын пять денег. Да за две куницы дватцать шесть алтын четьре деньги» [9, с. 159]. Очень хорошо показана жёсткая связь вотчинного землевладения и уплаты ясака в наказных памятях сибирским воеводам: из наказной памяти сургутским воеводам 1599 г.: «А велел ясаки имат рядовые, как кому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслом»³; из наказной памяти тарскому воеводе того же года: «а велел ясаки имат рядовые, как кому мочно заплатить, смотря по водчинам и по промыслом»⁴. Практически в тех же формулировках это указание дано и в более поздних памятях: «смотря по вотчинам и по промыслом»⁵. Или вариант в указе 1616 г.: «И нам бы их пожаловать, за побитых и за мертвых ясачных татар, и которые в полон поиманы, и тех вотчины ныне пусты, нашего ясаку платити с них не велети, а велети бы с них наш ясак имати з живущих татарских ясачных вотчин»⁶. Таким образом, практически во всех процитированных документах чётко показана жёсткая связь уплаты ясака и владения вотчинами: уплата ясака даёт право на владение вотчиной, наоборот – ясак платится с земли, т.е. с вотчины. И это верно для всех групп ясачного населения от Поволжья до Иртыша, по крайней мере до 1720-х гг., когда для некоторых групп населения был введён 50-

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1. Л. 70 об.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 53 об.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 74 об., 110, 200 об., 288 об., 493 и т.д.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 166 об.

копеечный «ясак» никак не привязанный к владению землёй. Но это тема отдельного исследования.

В этом же русле уфимские оппоненты пытаются апеллировать ещё к одному сюжету: *«Когда в 1647 г. уфимцы попытались арестовать соликамского башкира Байтерьяка Карзаева по обвинению в убийстве башкира-гайнинца во время стычки из-за спорной вотчины, «они не дались и собрались со многими людьми с братьями и черемисой гулящей и надели на себя доспехи и хотели из луков нас стрелять и ослопьем бить и говорят так мы де Соликамского уезду и нас пиши к Соли Камской, а на Уфу де мы не едем»⁷. Как видим, жители Соликамского уезда Ногайбай и Байтерьяк были не только башкирами, но и вотчинниками, несмотря на отсутствие уфимской «приписки». Одним словом, этническая идентичность башкир не зависела от места их фискальной регистрации»* [41, с. 58]. По этому поводу хотелось бы отметить несколько моментов: 1. При всей противоречивости данных документов о «вотчинном насилии» и «убойном деле», Янбай (так правильно) и Байтерек Карьевы/Каревы всё же были сылвенскими татарами. Судя по всему в челобитной башкир Гайнинской волости Янбай и Байтерек были названы башкирами Соликамского уезда, поэтому в части документов Уфимской приказной избы дублируется это обозначение⁸. Но Степан Гладышев, посланный для разбирательства, был направлен, чтобы «...приехов в уезд Соли камские брати с собою того уезду татар Янбайко да Байтеречка Карьевых детей в убийстве под(...) по челобитью на них Уфинского уезду Гайнинские волости башкирцов...»⁹. 2. Процитированный Б.А. Азнабаевым, С.И. Хамидуллиным с коллегами фрагмент документа о противодействии расследованию с луками и ослопьем взят из документа, где говорится именно о сылвенских татарах и говорили они Степану Гладышеву не «нас пиши», а «на нас пиши к Соли Камской»¹⁰. Этой фразой Янбай и Байтерек чётко давали понять уфимскому чиновнику, что они не подсудны Уфимской приказной избе, т.е. не являются башкирами. Башкиры были подсудны руководству Уфимского уезда, а ясачные люди Соликамского уезда были подсудны приказной избе и воеводе в Соликамске. Соответственно, человек, направленный из Уфы, не имел права суда над Соликамскими ясачными татарами, а должен был официально обратиться в Соликамскую приказную избу с просьбой помочь в расследовании дела. 3. В конце изложения результатов опроса местного населения, посланный из Уфы Степан Гладышев констатировал «да тое ж волости сылвенские татаровя опросных речей не дали, норovia (потакая, потворствуя – Г.С.) своей братье»¹¹. То есть констатируется принадлежность Янбая и Байтерека Каревых к сылвенским татарам. Гайнинские башкиры, преимущественно, дали показания негативные для Янбая и Байтерека, обвиняя их в убийстве башкира Гайнинской волости. 4. Ещё один интересный момент – в том же документе, на который ссылаются уфимские коллеги, есть следующий пассаж: башкиры Гайнинской волости объясняли проводившим сыск русским людям: «а скаывают, што вотчина была куплена тово Янбахты отца ево Уруса (башкиры

⁷ РГАДА. Фонд Уфимской приказной избы. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 331. Л. 3.

⁸ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 331. Л. 1–3. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 334. Л. 3–4.

⁹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 334. Л. 1.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 334. Л. 2.

¹¹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 334. Л. 5.

Гайнинской волости – Г.С.), и купил де тот Урус тое вотчину Соликамские уезду у иренсково татарина Урускелдея»¹². Т.е. башкиры Гайнинской волости купили эту вотчину у иренских татар. Соответственно, иренские татары также владели вотчинами.

Результат этого мини-разбора: В двух небольших архивных делах, где содержатся материалы этого следствия, нет документа, в котором бы отображалась ситуация, когда Янбай и Байтерек Карьевы назвали себя башкирами. Башкирами их обозначили истцы – ясачные Гайнинской волости. Возможное объяснение этому заключается в том, что иначе администрация Уфимского уезда просто не стала бы браться за это дело, поскольку оно не относилось к их юрисдикции. Точнее, поступили бы именно так, как сказали Гладышеву Янбай и Байтерек, т.е. писали бы в приказную избу Соликамского уезда с требованием разобраться в ситуации. При этом достаточно много прямых подтверждений того, что обвиняемые были сылвенскими татарами. И да, сылвенские татары были вотчинниками, как и прочие ясачные люди Урало-Поволжского региона и Зауралья. Выводы коллег про башкирскую «этническую идентичность» упомянутых персонажей (Янбая (Ногайбая) и Байтерека) совершенно не подтверждаются материалами архивных дел, поскольку сами они ни разу не обозначили себя башкирами.

В действительности вотчинниками в конце XVI – XVII вв. были ясачные татары Казанского уезда, ясачная чуваша, бобыли, ясачная мордва, вогулы, сылвенские татары, ясачные татары Тюменского, Туринского и Тобольского уездов и т.д. [14, с. 35–59; 30, с. 91–98; 38, с. 118–129; 39, с. 342–369 и т.д.] При этом ещё в XVII в. достаточно значительная часть вотчинников, живших в приуральской части Уфимского уезда, башкирами не являлись. В частности, бобыли, жившие на этих землях, не относились к башкирам, но обычно владели вотчинами и платили с них бобыльский ясак. Социальный статус людей, плативших бобыльский ясак, был, очевидно, переходным, и они стремились перейти в окладной ясак, то есть стать башкирами. Что и происходило на протяжении второй половины XVII в. В качестве примера можно привести описание вотчинных угодий ясачных бобылей деревни Именчеевой, стоявшей на речке Мушуге: «Вотчина у нас, государь, старинная, дедов и отцов наших в Уфимском уезде река Ик по обе стороны нижняя межа подле Ику реки на Уфинской стороне усть реки Бозяны орту норат, а верхняя межа вершина речки Большой Вереш, а с вершины до устья, где пала в Ик реку, а с вершины речки Большой Вереш на вершину же речку Мушуги, на Минскую дорогу, бортной ухожей и всякие звериные и рыбные ловли и всякие угодыя на дватцать верст. Да в той же, государь, нашей вотчине речка Ос с исток, Тыпря исток, да Шары и иные многие речки малые, которые пали в Ик реку и в Бозяну и большую речку Вереш, и озерки, истоки, и заводи, и старицы»¹³. И ещё одно описание вотчинных владений одного ясачного бобыля деревни Русаевой Байлярской волости Чоропанко Токаева: «вотчина у меня, сироты твоего в вершинах Ицких по обе стороны с черными лесами и с оромами¹⁴, верхняя межа речка Кандысли и по нижнюю по межу, по речку Муклу-Бурун и по тем речкам по

¹² РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 331. Л. 2.

¹³ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 476. Л. 1–2.

¹⁴ Оромы – скорее всего так передано слово «урёмы», обозначающее густые пойменные леса или поросшие низкими деревьями и густым кустарником низины.

обе стороны, да по увалу. Степная межа по Темскую речку, да на той же стороне речка Кандыс до вершины до вершины, да черный лес Дерткул, да по сю сторону Ику реки речка Ря по обе стороны, да речка Кудаш по обе стороны с устья и до вершины, да речка Белебей по обе стороны, да по Увак Нарат речку, да Замады лес до речки Нугуш межа и с черным лесом, да речка Усень по межу, по речку Агырязы»¹⁵. Владельцы этих вотчин подавали челобитные о переходе в окладной ясак – т.е. в башкиры, их прошения были удовлетворены, как и прошения многих других ясачных бобылей.

Было большое количество представителей ясачной чуваша, ясачных бобылей, служилых татар, владевших вотчинами в западной и северо-западной части Уфимского уезда. Часть бобылей перешли в окладной ясак в течение второй половины XVII в. Практически все представители других групп были переведены в окладной ясак (в башкиры) в начале XVIII в., в ходе унификации фискальной политики, по распоряжениям сверху. Достаточно подробно об этом написано в работе Р.Р. Исхакова [14, с. 35–59]. При этом зачастую при переходе в сословную группу башкир ясачные бобыли и другие группы нерусского населения верстались в тептярский ясак [14, с. 54, 56; 20]. Тептярский ясак в XVII в. (а в некоторых случаях и в XVIII в.) платила не какая-то обособленная социальная группа «тептярей», а обычные башкиры [34, с. 27–29]. Тептярский ясак, это более щадящий, уменьшенный окладной башкирский ясак. В некоторых случаях его платили целые башкирские волости, например Кущинская и Сызгинская [15, № 20]. Не следует путать тептярский башкирский ясак с ясаком группы тептярей и бобылей, которая фактически была сформирована по итогам ревизии в 1747 г. [28, с. 130–132]. При этом какое-то время два этих вида ясака сосуществовали, поскольку башкиры упомянутых Кущинской и Сызгинской волостей платили тептярский ясак ещё в 1750 г. [15].

Из уфимских исследователей наиболее подробно ситуацию с развитием небашкирского землепользования и формирования небашкирского населения рассмотрел в своей работе У.Х. Рахматуллин, поэтому обратимся к его выкладкам. Начнём с его интерпретации оброчного землевладения: «*Оброчное владение угодьями было характерно для начального этапа заселения новых территорий. Со временем, когда населенность округа достигала определенного уровня, оброчные владения перерастали в ясачные, оброки заменялись ясаками*» [26, с. 100]. Вряд ли можно согласиться с этим выводом – характер обложения зависел скорее от типа хозяйства. Народы Поволжья в большинстве своём были земледельцами, практиковавшими и другие виды хозяйствования. При этом сословно они все обозначались как «ясачные» – ясачные татары, ясачная чуваша, ясачные черемисы и т.д.¹⁶ Но ясак этих групп насе-

¹⁵ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 470. Л. 1.

¹⁶ У.Х. Рахматуллин называл их всех, в том числе и ясачных бобылей, «ясачными крестьянами», но это не верно – они не были крестьянами, они были ясачными людьми. Определение «ясачные крестьяне» получает широкое распространение уже в XVIII в., когда значительная часть ясачных татар Казанской губернии ушла на восток, а их место заняли русские люди, взявшие на себя статус выбывшего населения. Они, преимущественно, и назывались ясачными крестьянами. Тем не менее, выражение это достаточно часто используется в различных работах для обозначения совокупности различных групп ясачного населения Поволжья. Но надо понимать, что статус ясачных выводил их за рамки крестьянства, давая то самое право на вотчин-

ления зачастую представлял собой символические денежные выплаты, а реальные натуральные подати назывались оброком и взимались с вотчинных земель [38, с. 120–128]. То есть, по сути, оброк ясачных людей это дальнейшее развитие ясачного землевладения, когда сохраняется право на вотчинные земли, но реально вотчинами являются те угодья, с которых уплачивается оброк (бортные ужожи, бобровые гоны, звериные ловли). Обратим внимание, что оброк являлся фактически синонимом понятия ясак. Уплата оброка в Казань являлась достаточным основанием для признания права на владение вотчиной в Уфимском уезде.

У.Х. Рахматуллин полагал, что ясачные бобыли Уфимского уезда «пользовались... башкирскими волостными землями», подразумевая, что все они были припущенниками на башкирских землях [26, с. 154]. Он описывает ситуацию следующим образом: «переселившиеся в Уфимский уезд бобыли, которые были связаны с внесением бобыльского ясака в Казани, “имали башкирские вотчинные земли” в припуск, за аренду башкирам “в ясаке помогали сами из воли” и записывались в бобыльские книги Уфы. После этого бобыли ставили вопрос о выключении их из бобыльского ясака и включении в “окладной ясак”. В этих случаях бобыли указывали используемые из припуска башкирские волостные земли как свои вотчины, за которые они, якобы платят “окладной ясак”. Тем самым бобыли добивались исключения себя из бобыльской ясачной книги и включения в другую, окладную книгу. Это изменение имело для них социальное значение. Бобыли становились тептярями» [26, с. 155]. Необходимо ещё раз оговориться, что тептярей, как отдельной социальной группы, в XVII в. не существовало – тептярский ясак платили башкиры [34, с. 25–30]. То есть бобыли, перешедшие с бобыльского ясака на окладной, становились башкирами, а не тептярями, как обозначил У.Х. Рахматуллин [26, с. 155, 159]. Тем более, что и в самих документах о переходе с бобыльского в окладной ясак присутствовали такие формулировки: «со 166 году платить им на Уфу великого государя окладной ясак с байлярскими башкирцы вместе»¹⁷ «платить им на Уфу з братьею и з детьми своими великого государя окладной ясак с байлярскими башкирцы вместе»¹⁸ и аналогичные записи¹⁹. В действительности никаких реальных указаний на аренду башкирских земель бобылями в документах нет. Собственно и У.Х. Рахматуллин не приводит ссылок на такие материалы.

Несколько ранее тот же автор, на основании тех же материалов опубликовал другую версию: *«оброчные владения чувашей, татар и марийцев Закамской территории стали рассматриваться как равнозначные башкирским ясачным землям и были вписаны на каком-то этапе XVII в. в уже существовавшую ясачную книгу Уфимского уезда. Произошло слияние оброчных владений и башкирских ясачных угодий... В результате оброчные чувашеи, татары и марийцы Западной и Северной части Уфимского уезда стали называться башкирами... Здесь казанский оброк древнее башкирского ясака. Не исключе-*

ные земли. И уж тем более к крестьянам не относились ясачные бобыли Уфимского уезда – они могли вообще не заниматься земледелием, а основной податью являлся куничный (иногда медовый) ясак.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 468. Л. 3.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 470. Л. 2.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 467. Л. 3.

на возможность, что башкирские Байлярская, Бюлярская и Енейская волости образовались на базе общин владельцев оброчных угодий... Такое же положение было в ряде других западных башкирских волостей» [25, с. 6–7]. То есть У.Х. Рахматуллин прямо писал, что казанский оброк в западных и северо-западных волостях Уфимского уезда «древнее» башкирского ясака и практически признавал, что западные волости Уфимского уезда исходно не башкирские, а формировались из вотчин (угодий, как обозначал У.Х. Рахматуллин) оброчных людей, не входивших изначально в сословие башкир. Примечательно, что в книге, вышедшей уже в период перестройки, эти выкладки были опущены, а вместо них использована обтекаемая фраза: «Однако часть оброчных и ясачных крестьян Казанского уезда вместе с «казанским оброком» всё же попала в число башкирского населения, вошла в башкирское сословие и стала управляться уфимскими воеводами» [26, с. 101].

Описывая ситуацию формирования западных волостей Уфимского уезда, У.Х. Рахматуллин не указал в числе групп, на основе которых сложились башкирские общины западных волостей Уфимского уезда, ясачных бобылей. При этом, как уже было сказано, многие бобыли, владевшие вотчинами по р. Ик перешли в окладной ясак, став башкирами, а территории их вотчин составляли значительную часть тех же самых Байлярской и Бюлярской волостей. Версия У.Х. Рахматуллина о том, что бобыли при подаче челобитных о переходе в окладной (башкирский) ясак указывали в качестве своих вотчин угодья, коротколенные у башкир, не подтверждается документами. Во-первых, ясачные книги (в том числе и бобыльские) содержали информацию о землях, с которых уплачивался ясак. Во-вторых, минимальная проверка достоверности информации, изложенной в челобитных ясачных бобылей, приказной избой проводилась²⁰. В-третьих, по решению о переводе бывшего ясачного бобыля в окладной ясак ему выдавалась оберегальная грамота, подтверждавшая его вотчинное право на заявленные земли. В-четвертых, зачастую ясачные бобыли помимо ясака в Уфу платили денежный ясак в Казань²¹ и это объединяло их с ясачными татарами, чувашами и черемисой (марийцами).

Что касается существования вотчинного права башкир со времён Золотой Орды, то здесь есть один весьма интересный момент – практически все уфимские авторы, писавшие и пишущие о вотчинном праве, ограничиваются его констатацией. То есть никто из них не расшифровывает – что же это такое. Мне не приходилось сталкиваться с анализом того, что же представляло из себя вотчинное право башкир XVI – начала XVIII вв., не говоря уже о более ранних периодах. Нет такого анализа в трудах А.И. Акманова, посвященных вопросам башкирского землевладения и поземельным отношениям [5; 6]. Нет его и в уже цитировавшейся «Истории башкирского народа». Не рассматриваются эти вопросы и в работах Б.А. Азнабаева, на которые ссылаются авторы тома 19 «Истории башкирских родов», когда пишут, что «*в современных работах это положение (о том, что вотчинное право башкир берёт своё начало со времён Золотой Орды – Г.С.) получило убедительную аргументацию*» [41, с. 54]. Увы, сложно признать убедительной аргументацию в подтверждение некоего исторического явления, если это явление попросту не

²⁰ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 467. Л. 2; Д. 468. Л. 3–5; Д. 470. Л. 2; Д. 729. Л. 2–5.

²¹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 468. Л. 2.

расшифровано. В работах Б.А. Азнабаева достаточно подробно рассматривается преемственность территорий, которыми владели различные кланы до и после вхождения в состав Московского государства, но остаётся открытым вопрос характера этих владений [1, с. 190; 2, с. 46; 4, с. 36–53].

Не буду оригинален и назову второй раздел.

К вопросу о «тюрках Зауралья»

Напомню, что начинался текст оппонентов с недоумения по поводу моей версии о том, что представители терсяк, сынрян были включены в сословную группу башкир после перехода из верхотурского ясака в уфимский. Далее цитирую их возражения по этому поводу: *«Другим слабым местом концепции об этнообразующей роли места «приписки» является тезис о том, что ясачное или служилое население было свободно в своем выборе налоговой юрисдикции: “Большая свобода, которой пользовались башкиры, выгоды выплаты ясака на Уфу и подсудности тамошнему суду притянули часть терсяков в сферу формирования башкирского этноса”. Выходит, что неким “тюркам Зауралья” – терсякам или сынрянцам, привлеченным башкирскими вольностями, вздумалось платить ясак в Уфе, и они автоматически стали башкирами. Приведенные рассуждения не могут быть приняты по нескольким причинам. Во-первых, туземное население Тюменского уезда платило подушный ясак, а башкиры – ясак с земли, который был намного меньше»* [41, с. 58]. Как было показано выше – ясак в принципе платился с земли, будь то в Уфимском, Кунгурском, Верхотурском или Тюменском уезде. И действительно, те терсяки, которые перешли в уфимский ясак стали башкирами. А те, которые перешли в тюменский ясак – татарами. А будучи ясачными людьми Верхотурского уезда, они именовались ясачными вогулами [36, с. 183–203].

А далее С.И. Хамидуллин с коллегами выдают совершенно неожиданный пассаж: *«Во-вторых, массовая “приписка” зауральских ясачников к Уфе была вызвана не их желанием, а рядом иных причин. В 1631 г. в Уфимский уезд приехал казанский дворянин и “прибыльщик” Савва Аристов, чьи жесткие фискальные мероприятия в 1615 г. вызвали волнения среди нерусского населения Казанского уезда. Он впервые в истории Уфимского уезда провел перепись башкир и “прихожих гулящих людей черемису и чувашу”, т. е. марийцев и казанских татар. Б. А. Азнабаев метко замечает: «Если считать ясачный оклад главным маркером подданства, то Аристову удалось увеличить российских башкир более чем в 2,5 раза. По разрядным спискам 1629 г. числилось 888 ясачных дворов башкир, в 1635 г. их было уже 2 217»* [41, с. 58]. В первом пункте авторы уверяли, что башкиры не платили подушный ясак, а во втором объясняют, что количество ясачных людей за 7 лет увеличилось в 2,5 раза (и это, судя по их изложению, являлось целью реформы Саввы Аристова). То есть авторы абсолютно противоречат сами себе, но совершенно этого не замечают. Объясняю, в чём именно заключается противоречие: если речь идёт о поземельном ясаке, взимавшемся с волости, как единого целого, то количество ясачных душ не имеет значения. А вот то, что Аристов добивался и добился, именно увеличения количества ясачных людей говорит только об одном – ясак с башкир взимался подушно (что совершенно не отменяет того факта, что ясак взимался с вотчинных угодий). Ну и маленькое примечание: Савва Аристов, каким бы он ни был жёстким и целенаправленным чиновни-

ком, вряд ли смог бы переписать в уфимский ясак людей, плативших ясак в других уездах, тем более, если они жили за пределами уфимского присуда, более того, в ведомстве другого приказа (не Приказа Казанского дворца, который ведал Уфимским уездом, а Сибирского приказа).

А вот добровольный переход ясачных людей в ведение другого уезда был делом вполне обычным. Это подтверждается данными опубликованных и вновь выявленных документов: 1632 г., царская грамота верхотурскому воеводе Федору Бояшеву: «...в прошлом во 138 году до вашего на Верхотурье приезду, сошло из Аятцкой, и из Сосвинской, и из Лозвинской, и из Косвинской волостей, в Тюменский да в Чердынский ясак двадцать человек... И для тех Аятцких ясачных Татар, которые сошли в Уфинский уезд, посылал ты ... и тех беглых Аятцких Татар сыскал подъячей Михайло Сартаков только трех человек, которые живут в Тюменском ясаке, а иные ясачные люди сошли на зверовье, а сказывали про них, что те ясачные люди платили ясак на Тюмень» [7, с. 313]. В 1663 г. «приехали из степи на Тюмень в город... верхотурского ясаку татарова Купердей Кокулгилдеев (Кутлугилдеев), Бекмурза Курмаматов, а тот Бекмурза преж сего был тюменской ясашной татарин»²². Есть и информация о том, где именно они жили в Верхотурском уезде: «Купердейко Кутлугилдеев в распросе сказал: жиле де с Бикмурзою и з женами и з детми от Верхотурья вверх по Режу»²³, т.е. на территории Аятской ясачной волости Верхотурского уезда. Далее: «били челом великому государю Уфинского уезду Сибирской дороги Симирянской волости башкирцы Мрячка Карабашев да Чирибачка Тарляков с товарищи, в прошлых де годах Tobолского уезду житель Тетейка Такбердин пришел ис Tobолского уезду в Уфимской уезд без указу Великого Государя и без грамоты и написал на ясак без их мирского ведома неведомо почему и тому де тритцать пятой год. Из Уфимского уезду из их волости написався на ясак он Тетейка збежал в Tobолской уезд по прежнему...»²⁴.

Далее большой фрагмент документа из «Дела о спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала»: «Во 149-м году апреля в 5 день в отписке с Верхотурья воеводы Воина Карсакова написано: верхотурские де ясашные люди дву Уфинских волостей сказали, Ишимовы де дети и калмыцкие люди кочуют около их волостей в близости, и во 148-м году летом 9 приходов их было войною на них; Верхотурской же ясашной Уфинской волости сотник Ишимбатко с товарищи бежали на Уфу.

Во 150-м году в верхотурском сметном списке написано: верхотурских ясашных 4-х волостей Аяцкой, да с верх Уфы реки дву волостей, да верх Чюсовской волости на ясашных людех, которые бежали в Уфинской уезд, донять ясаку и поминков со 66 человек со 134-го по 151-й год 868 руб. 27 алт. 1 д. » и т.д. [20, с. 88–90].

«Верх-Уфинские волости сотник Ишимбайко с товарищи с вотчин своих, покиня жен и детей, сошли к Уфе от изгони калмыцких людей и ясак де они понесли платить на Уфу»²⁵.

²² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН), Ф. 21. Оп. 4. Д. 8. Л. 216.

²³ СПФ АРАН, Ф. 21. Оп. 4. Д. 8. Л. 219 об.

²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 80.

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 181 об.

В 1648 г.: «...сказывал де им ясашной татарин Денметько Терсяк, а прежде сего он ясак плачивал на Тюмени, а ныне де он платит ясак на Уфу» [23, с. 613].

Процитированные документы хорошо иллюстрируют тот факт, что переход в ясак другого уезда вовсе не был чем-то невообразимым, и подобные смены «приписки» происходили достаточно часто и не являлись секретом для руководства уездов. В числе прочего хорошо показан факт перехода в уфимский ясак населения Верх-Уфимских волостей Верхотурского уезда. Аналогично этому перешли в уфимский ясак терсяк, сынрян и сальют, проживавшие на территории Верхотурского уезда. Надо только понимать, что значительная часть из них стали сословно башкирами, но проживали по-прежнему на территории Верхотурского уезда. Никакой передачи территории волостей в состав Уфимского уезда не было. На чертеже С.У. Ремезова «Изящное вновь начертание граду Кунгуру и всему Кунгурскому уезду...», составленному в 1703 г., показано, что границы Верхотурского и Уфимского уездов проходили по верхнему течению р. Уфе до рр. Тюша и Яманилга. А на картах 1730-х гг. территории по р. Уфе уже показаны входящими в состав Уфимской провинции (правда, это не касалось земель Терсяцкой, Салзаутской (Сальютской) и Сынрянской волостей, которые оставались в составе Верхотурского уезда). Можно предположить, что земли по правому берегу р. Уфы были переданы в ведение уфимских властей при создании Уфимской провинции [40, с. 194–199].

С.И. Хамидуллин с коллегами предлагают своё объяснение перехода населения из состава других уездов в Уфимский, точнее, транслируют версию ранее высказанную Б.А. Азнабаевым: «В результате реорганизации приказа Казанского дворца, который ведал всем ясачным населением Поволжья, Урала и Сибири, в 1637 г. был образован Сибирский приказ. В его ведение переходили все служилые и ясачные татары Сибири, а все башкиры оставались под началом прежнего государственного учреждения и приписывались к Уфе. Вот тогда-то и начался массовый перевод волостей Зауралья из тюменской юрисдикции под уфимскую не по территориальному критерию, а по этническому. К 1629 г. к Уфимскому уезду отошла обширная Катайская волость по р. Исети. В 1641, 1646 и 1648 гг. башкиры Терсяцкой и Сынрянской волостей были выведены из подчинения верхотурского воеводы и переданы уфимским властям. Как пишет Б. А. Азнабаев, «московское правительство стремилось подчинить все башкирские волости уфимскому воеводе, не останавливаясь перед такими трудностями, как размеры административной территории и численность башкир» [41, с. 58.]. Я уже разбирал эту версию в одной из публикаций [36, с. 190–191], но повторюсь, чтобы анализ аргументов, изложенных в разделе «К вопросу о “тюрках Зауралья”» был комплексным. Итак, Б.А. Азнабаев, описывая ситуацию с якобы имевшей место официальной передачей ясачных волостей из состава Тюменского и Верхотурского уездов в ведение Уфимского уезда, ссылается исключительно на работу Г.Ф. Миллера [2, с. 77]. Мои попытки найти в «Истории Сибири» упоминания о подобной передаче волостей потерпели крах, такой информации там просто нет, по крайней мере, на той странице, на которую ссылается

Б.А. Азнабаев²⁶. Практически буквальное совпадение с текстом Б.А. Азнабаева по датам, но не по смыслу имеется в книге Б.О. Долгих: «*Часть верхуфимских «татар» (башкир) в 1641, 1646 и 1648 гг. «отошла на Уфу», хотя некоторые из них в 1645 г. продолжали еще числиться в Верхотурском уезде*» [10, с. 23]. Но здесь речь идёт не об официальной передаче волостей из Верхотурского уезда в Уфимский уезд, да и Верх-Уфимские волости это вовсе не Терсяцкая и Сынянская волости, а скорее Упейская, Катайская, возможно, Шуранская и Сызгинская [36, с. 197]. Процитированная информация из книги Б.О. Долгих совпадает с приведёнными выше выдержками из документов об уходе ясачных людей Верх-Уфимских волостей в уфимский ясак, оставив жён и детей на месте²⁷. Иначе говоря, никаких подтверждений того, что в действительности произошла официальная передача волостей от Верхотурского уезда в Уфимский – нет. Более того, если мы посмотрим на карты начала XVII в. или 1730–1740-х гг., то увидим, что территории Терсяцкой и Сынянской волостей относились к Верхотурскому уезду, позже к Екатеринбургскому ведомству [40, с. 195, 197, 291]. Локализация этих волостей описана в уже упоминавшейся статье [36, с. 183–203]. Что же касается Катайской волости, то уже в 1623 г. она указывается как «дальняя волость» Уфимского уезда [22, с. 423], а «ясашные татаровя зырянцы Уфимского уезду» упоминаются в 1635 г. [23, с. 492], т.е. оба случая ранее даты, указанной Б.А. Азнабаевым. Констатируем, что версия, предложенная авторами раздела «К вопросу о “тюраках Зауралья”», совершенно не выдерживает критики.

Рассмотрим ещё одно утверждение из цитированного фрагмента: «*Не случайно, после принятия русского подданства уже не было значительных вливаний инородных групп в состав башкирского народа, если не считать калмыков, каракалпаков и сартов, ставших башкирами посредством адаптации, т. е. “усыновления”*» [41, с. 53–54]. Как утверждает Б.А. Азнабаев [2, с. 46] и вслед за ним Б.И. Хамидуллин [41, с. 54–55], сарты и калмыки, составившие во второй половине XVIII в. Сарт-Калмацкую волость Челябинского уезда, стали башкирами через усыновление. Это развитие популярной в уфимской историографии версии, что стать башкиром можно было только с согласия всех башкир волости, так же, как и вотчинные права якобы можно было получить только с согласия башкирской общины [3, с. 78–87]. Об этом писал ещё К.Х. Рахматуллин: «Одним из распространенных путей проникновения чужеродных элементов в башкирскую общину являлось усыновление» [26, с. 131]. Однако, он утверждал, что были и другие пути включения представителей других групп в башкирскую общину, и отмечал: «Однако, несмотря на значимость, процесс совершенно не изучен» [26, с. 131]. При этом он отрицал возможность вхождения припущенников в состав башкирской общины.

Как бы то ни было, версия адаптации, как способа вхождения аюкинских калмыков и сартов в башкирское сословие очень далека от реальной истории. Земли аюкинским калмыкам и служилым сартам вместе со служилыми ме-

²⁶ Булат Ахмерович ссылается на «Историю Сибири» Г.Ф. Миллера, но ни в изданиях 1750 г. и 1937 г., ни в издании 2005 г., в томе I на указанной странице не идет речи об этих волостях и датируются документы, расположенные на этой странице, совсем другим временем – началом XVII в. [24, с. 407; 21, с. 407; 22, с. 407].

²⁷ СПбААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 181 об.

щеряками, были отведены указом Оренбургского губернского правления по их прошению. Сначала, в 1746 г., был произведён обмер «порозжей» территории и предписано: «А всего примером будет в том отводе разстояния длиннику сорок девять и поперешнику сорок восемь верст, но действием не производить, а ожидать о том, яко же и о допущении к тому поселению сарт и служилых мещеряков и калмык впредь желающих и на каких основаниях: в службах и в платеже ясака с башкирцами или особо им быть»²⁸. А уже в 1748 г. было определено: «Вышеписанные аюкинец Бурак Егораков и сарт Салтан Ахметев показали: ежели де ис показанной порозжей земли объявленные урочища мещерякам отданы будут, то они оставшею ис той порозжей земли угодьями... без удовольствия их землю оставить не надлежит, яко они с башкирцами общую службу служат, ясак равной платят, они ж и бывшие башкирское замешание верно служили, как то свидетельствуют выданные им от командиров указы. Того ради определили: в Исецкую провинциальную канцелярию послать указ, велеть предписанным просителям аюкинцу Бурану Ягоракову с калмыки и сартам ис показанной порозжей земли по вышепоказанному их здесь показанию при поселении при озере Урдабай, тако ж для содержания скота, под пашню и под сенокос отвести земли столько, сколько для их извороту надлежит со всеми к жительству человеческому угодья, дабы им всем как в землях, так и в угодьях недостатку быть не могло. И впредь для от²⁹ безспорного владения ту им землю ограничить и учиня чертеж в Оренбургскую губернскую канцелярию прислать, а таков же и в провинциальной канцелярии оставить для разнимательства всяких впредь могущих быть споров. А службы // им служить, ясак платить по прежнему равно з башкирцами, как то они доньне исчислятца»³⁰. Поясню дополнительно – все решения принимались Оренбургским губернским правлением на основании прошений мещеряков, служилых сартов и аюкинских калмык. Ни один из башкирских кланов в этой переписке участия не принимал и даже не упоминается ни в одном из документов. Решение об отводе им земли приняло то самое Оренбургское губернское правление, а не некие башкирские сообщества и оно же приняло решение о причислении их к башкирскому сословию – если сначала был вопрос: «в службах и в платеже ясака с башкирцами или особо им быть»³¹, то спустя 2 года то же правление указало: «А службы им служить, ясак платить по прежнему равно з башкирцами»³². Если здесь и есть «адопция», то только со стороны государства.

В свете информации процитированного выше документа особенно впечатляют интерпретации авторов рассматриваемого текста: «*Сарты и аюкинские калмыки были адоптированы в XVII–XVIII вв. и признавались другими башкирами в качестве башкир. Но для признания их со стороны властей понадобились специальные обращения к правительству. В наказе башкир Исетской провинции в Екатерининскую уложенную комиссию в 1767 г. про-*

²⁸ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 7847. Л. 72.

²⁹ «от» в текст попала явно по ошибке переписчика.

³⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7847. Л. 72–72 об.

³¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7847. Л. 72.

³² ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7847. Л. 72–72 об.

звучало предложение, «чтобы оным сартам и калмыкам единственное уже звание иметь и именование башкирцами, а звание сарт и калмык оставить». Как результат, в XVIII в. в Зауралье возникает башкирская Сарт-Калмакская волость» [41, с. 54–55]. Как понятно из приведённой выше обширной цитаты из указа Оренбургского губернского правления, башкиры Сибирской дороги к формированию Сартской и Калмакской волостей, впоследствии объединившихся в одну Сарт-Калмакскую волость, отношения не имели. Возникновение этой административно-территориальной единицы являлось результатом взаимодействия служилых сартов и аюкинских калмык с властями Оренбургской губернии. Как видим, ни о какой адаптации башкирами указанных групп речи не идёт, местные власти в ответ на прошение сартов и аюкинских калмыков отводят им земли для проживания и ведения хозяйства и определяют, что платить ясак и нести службы они будут наряду с башкирами. Иначе говоря, губернские власти определяют их в башкирское сословие. Местное башкирское население в процессе наделения их землёй участия не принимало, равно как и в определении их социального статуса. Башкиры Каратабынской и Барытабынской нераздельных волостей в 1760-х гг. писали, что часть их земель «между крепостью Каракульской и аюкинских калмык служилых сарт ... с принадлежащими к ней озерами Чюбаратом, Алкезюгурганом, Тербяскулом и Сыркашлаганом да и протчими мелкими озерами и угодьями»³³ все еще оставалась «не розданной». Табынцы просили закрепить за ними документально право на бесспорное владение этой территорией. Губернское правление постановило, оставшуюся землю закрепить за табынцами поскольку те «уделением ис той их вотчиной земли во первых ичкинским татарам, а затем катаяцам и протчим людям итак несколько обиду чувствуют»³⁴. Земли ичкинским татарам и катаяцам были выделены тоже без привлечения табынцев – их просто поставили перед фактом.

В цитированном Б.А. Азнабаевым и С.И. Хамидуллиным Наказе в Уложенную комиссию речь шла не о том, чтобы включить сартов и калмыков в сословие башкир – они там и так уже были, а о том, чтобы не называть жителей новых волостей сартами и аюкинскими калмыками, оставив за ними только обозначение «башкиры». Но как раз это пожелание было оставлено без внимания и ещё в начале XIX в. в документах фигурируют сарты и аюкинские калмыки³⁵. Что не мешало властям считать их башкирами, как и катаяцев, табынцев и т.д. Кстати, волости (раздельно Сартская и Калмацкая) сформировались уже в 1750-х гг., более того, они в эти годы уже припускали на территорию своих волостей башкир других кланов, в частности, Катайской волости, задолго до составления наказов в Уложенную комиссию³⁶. Соответственно, хлопотать о создании волости для аюкинских калмык и служилых сартов в 1768 г. было совершенно не актуально, поскольку их волости (раздельные, хоть и соседствующие) к этому времени уже существовали.

³³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-115. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

³⁴ ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 42. Л. 8 об.

³⁵ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ). Ф. 129. Оп. 2. Д. 138. Л. 209–220.

³⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7847. Л. 84.

Если интересен этап истории сартов и аюкинских калмык, предшествовавший формированию Сарт-Калмацкой (Сарт-калмакской) волости, а также некоторые детали о самой волости, то можно обратиться к имеющимся работам [29, с. 45–50; 31, с. 153–159; 37, с. 275–294].

Приведу ещё одну большую цитату из работы оппонентов: *«Адоптированные группы получили в качестве вотчин «порозжие» земли других башкирских племен Зауралья. Территория нынешнего Сафакулевского района Курганской области, где ныне проживают башкиры-сарты и башкиры-калмаки, в прошлом была вотчиной башкир рода Табын. Что касается сынрянцев и терсяков, то об их адаптации или иных формах интеграции в источниках ничего не сообщается. Напротив, в коллективных челобитных они предстают как «природные башкирцы». При этом нужно учесть, что в подобных документах попытка представить дело в искаженном свете исключается, поскольку это бросало бы тень на других челобитчиков. Поэтому башкир-вотчинник никогда бы не взял в «товарищи» самозванца, объявившего себя потомственным вотчинником. К тому же обман мог быть легко разоблачен со стороны чиновников Уфимской приказной избы, имевших под рукой весь комплекс царских грамот, касающихся башкирского землевладения. Таким образом, терсяки и сынрянцы предстают в документах как исконные башкиры, обладавшие вотчинным правом»* [41, с. 55]. Сартам и калмыкам действительно отвели земли из вотчинных угодий Каратабынской и Барынтабынской нераздельных волостей, только отвели их не табынцы и не представители других башкирских родов Зауралья, а власти Оренбургской губернии. Что же касается остального текста, то он сводится к тому, что цитированную в начале статьи челобитную башкир Сибирской дороги писали вотчинники, а, следовательно, они все были изначально башкирами, в том числе и сынрян и терсяк. Выше показана абсолютная ошибочность мнения о том, что только башкиры были вотчинниками. Повторю ещё раз: вотчинным правом пользовалось ясачное население Московского государства от Волги до Западной Сибири. Поэтому пытаться реконструировать для этого времени некую «этническую» идентичность, отталкиваясь от того, что человек был вотчинником – нелепо.

Ещё один любопытный пассаж: *«Особняком стояла Бачкырская (Башкурская) волость, которая в военно-административном отношении находилась в ведомстве Тюменского уезда, а по вопросам землевладения и выплаты ясака подчинялась Уфе. Соответственно, бачкырцы одновременно были уфимскими башкирами-вотчинниками и тюменскими служилыми татарами»* [41, с. 58]. Этот текст не снабжён какими бы то ни было ссылками на источники, либо на публикации, но логика авторских рассуждений (абсолютно не верных) понятна. Они исходят из упоминаний башкир/бушкурцев в контексте побега 50 служилых татар из Тюмени в 1600 г. [23, с. 174, 187; 27, стб. 53–54], и соотносят их с башкирами Бушкурской волости, платившими ясак на Уфу.

Башкиры/бачкыры/бушкурцы в Тюменском уезде составляли отдельную Бушкурскую волость, которая располагалась на р. Исети и именно на её землях были поставлены Китайский острог и Далматов монастырь [17, с. 363–396; 18, с. 57–72]. Значительная часть жителей Бушкурской волости платила ясак, а часть относилась к служилым татарам. Ясак они платили на Тюмени и

службу несли в Тюмени. Вполне возможно, что исходно эти люди относились к клану катый [40, с. 217], представители которого считали себя башкирами – отсюда и название волости. Что же касается того, что Бушкурская волость «по вопросам землевладения и выплаты ясака подчинялась Уфе», то здесь сказывается незнание авторами материала. В конце XVII в. группа представителей Бушкурской волости перебралась в Уфимский уезд и поселились на оз. Пороховом деревней Ураскильдиной. В 1745 г. в деревне проживало около 10 семей. Своей земли они не имели, пользовались вотчиной башкир Салзаутской (Сальютской) волости³⁷. При этом сохраняли обозначение «бушкурцы», приобретённое во время проживания в Тюменском уезде. Так что группа башкир Бушкурской волости действительно жила в деревне Ураскильдиной в Уфимском уезде, платила ясак и была подсудна на Уфе. Но ясачные татары Бушкурской волости, жившие в Тюменском уезде, ни в коей мере не управлялись из Уфы, а платили ясак и несли службы на Тюмени. То есть никакой системы двойного подчинения не было, а был переход очередной группы ясачного населения из Тюменского уезда в Уфимский ясак. Причём с сохранением позднего наименования («бушкурцы») вместо исходного «катый». Не надо путать башкир Бушкурской волости Уфимского уезда и ясачных татар Бушкурской волости Тюменского уезда.

Всё же тюрки Зауралья

В начале статьи я уже указал, что своё видение ситуации и аргументацию я приводил в различных публикациях, поэтому здесь изложу кратко. Объясняется всё довольно просто: формирование башкир, как и сибирских татар, как единых общностей, которые мы знаем сегодня, происходило уже в рамках Московского государства / Российской империи. В документах дореволюционного периода понятия «башкиры» и «татары» обычно носят характер сословных обозначений, а не этнических маркеров [32, с. 34–45; 33, с. 138–142]. Именно в рамках этих сословных групп и происходило формирование идентичностей общностей башкир (в том числе зауральских) и сибирских татар. Р.Г. Кузеев в своё время лаконично и ёмко написал о формировании идентичности зауральских тюрков XVI–XVII веков: «Часть тюркского населения Северо-Восточной Башкирии и особенно Зауралья еще не определила прочно своих политических позиций по отношению к Русскому государству, в состав которого добровольно вошла подавляющая часть башкирских племен, и к Сибирскому ханству, поражение и кризис которого вырисовывались ясно, но на стороне которого были традиционные симпатии некоторых кочевников. В этих условиях вполне допустима и неопределенность этнического тяготения тех или иных родоплеменных групп к башкирам и сибирским татарам» [16, с. 244].

И один, но очень показательный документ 1662 г.: «да на том же бою взяли Япанчинского ясаку татарку Пелевну, и та де татарка ему Федору сказала: стоит де царевич Бугай Салтан у озера Иретеша за Исетью в степи, а с ним де стоят изменники Башкирцы, Сынгранцы, Бушкурты, Сонгуты, Терсяки, Аилы, да с ними ж де в заговоре все Татаровя и Вогуличи Верхотурские и Тюменские и Епанчинские и Пелымские и Кондийские...» [11, с. 290]. В изложении ясачной жительницы Туринского уезда отдельно обозначены баш-

³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 338 об.–339.

киры и представители родоплеменных групп сынрян, салют (сонгуты), терсяк, айле или аялы (аилы) и представитель Бушкурской (Бачкырской) волости Тюменского уезда. Какая группа в этом случае подразумевалась под названием «башкиры» сказать сложно, возможно население волостей по р. Уфе: Кайтайской, Упейской, Шуранской...

В заключение вынужден констатировать, что у меня имеются все основания использовать обозначение «тюрки Зауралья» и настаивать на том, что понятия «башкиры» и «татары» в дореволюционных документах обычно являются сословными номинациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII вв. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
2. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: БашГУ, 2005. 228 с.
3. Азнабаев Б.А. Формирование родоплеменной структуры «колмак» в башкирском этносе // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 78–87.
4. Азнабаев Б.А., Буляков И.И. Вотчинное законодательство XVI в. и башкирское землевладение // Башкирское общество конца XVI–XVII в. по документам Уфимской приказной избы. Сборник документов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 36–53.
5. Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии. Уфа: Китап, 2000. 208 с.
6. Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа: Китап, 2007. 360 с.
7. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III: 1613–1645. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собственной е.и.в. канцелярии, 1841. 538 с.
8. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V: 1676–1700. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собственной е.и.в. канцелярии, 1842. 572 с.
9. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 154–210.
10. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 623 с.
11. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. IV: 1846–1872. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1851. 445 с.
12. Ислаев Ф.Г. Писцовая книга пермских татар // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 1. С. 45–59.
13. История башкирского народа: в 7 томах. Т. III. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.
14. Исхаков Р.Р. Оброчные вотчины татар Западного Приуралья (конец XVI – начало XVII вв.) // Южный и Средний Урал от хана Бату до Николая I. Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал», 2023. С. 35–59.
15. Корепанов Н.С. «Горная власть» и башкиры в XVIII в.: сб. документов. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/110g2.htm> (дата обращения: 16.05.2024).

16. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения / Отв. ред. Т.А. Жданко. М.: Наука, 1974. 570 с.
17. Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские группы Южного Зауралья в XV–XVII вв.: государственные, административные, территориальные, этносоциальные трансформации // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 363–396. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396>
18. Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII в. // Вопросы истории, 2017. № 1. С. 57–72.
19. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 2 / Отв. ред. Н.В. Устюгов. М.: Наука, 1956. 596 с.
20. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. / Отв. ред. А. Чулошников. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 631 с.
21. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1 / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 607 с.
22. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. 3-е изд. / Ред. кол. Батянова Е.П., Вайнштейн С.И. и др. М.: Вост. лит., 2005. 630 с.
23. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. Изд. 2-е дополн. / Ред. кол. Батянова Е.П., Вайнштейн С.И. и др. М.: Восточная литература, 2000. 796 с.
24. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения Российской державе по сии времена. Книга первая. СПб.: Императорская академия наук, 1750. 510 с.
25. Рахматуллин У.Х. Крестьянское заселение Башкирии в XVII–XVIII вв. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX вв. Уфа: Башкирский филиал Академии наук, 1981. 127 с.
26. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.
27. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб.: б.и., 1875. 1228 стб.
28. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Императорское Русское Географическое Общество, 1887 (Типография Б. Бреслина). 405 с.
29. Самигулов Г.Х. Аюкинские калмыки: к истории этнической группы // Вестник Челябинского государственного университета, 2015. № 14 (369). Серия История. Вып. 64. С. 45–50.
30. Самигулов Г.Х. Вотчины ясачных людей XVI–XVIII вв. от Поволжья до Западной Сибири // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации. Челябинск: изд-во Библиотека А. Миллера, 2022. С. 111–126.
31. Самигулов Г.Х. Из истории зауральских башкир-сартов (XVIII век) // Гороховские чтения: Материалы седьмой региональной музейной конференции. Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2016. С. 153–159.
32. Самигулов Г.Х. Изменения сословной группы «башкиры» в середине XVIII – начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. Т. 9. № 1. С. 34–45.
33. Самигулов Г.Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения ясачных волостей: Зауралье XVII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 138–142.
34. Самигулов Г.Х. Тептяри и тептярский ясак в XVII – начале XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета, 2015. № 24 (379). Серия История. Вып. 66. С. 25–30.

35. Самигулов Г.Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI – первой половине XVIII века: консолидация/разделение – к постановке вопроса // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции. Курган: Курганский государственный университет, 2011. С. 127–131.
36. Самигулов Г.Х. Тюркские волости Верхотурского уезда XVII века // Научный диалог. 2017. № 1. С. 183–203.
37. Самигулов Г.Х. Формирование тюркской группы калмак и Сарт-Калмакской волости в Южном Зауралье XVIII века // Научный диалог. 2018. № 9. С. 275–294.
38. Самигулов Г.Х. Ясак, оброк, вотчина – ясачное население Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XVIII вв. // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Шигабутдина Марджани АН РТ, 2021. С. 118–129.
39. Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369.
40. Самигулов Г.Х., Маслюженко Д.Н., Моисеев М.В. Южное Зауралье в первой трети XV – конце XIX вв. / История Южного Урала в 8 т. Т. 6. Челябинск: Издательский дом ЮУрГУ, 2019. 432 с.
41. Хамидуллин С.И., Азнабаев Б.А. и др. История башкирских родов. Т. 19. Сальют, терсяк, сыряня, бикатин, сырзы, шуран. Уфа: «Китап», 2016. 584 с.

REFERENCES

1. Aznabaev B.A. Bashkir society in the 17th – first third of the 18th centuries AD. Ufa: Research and Information Center of Bashkir State University, 2016. 370 p. (In Russian)
2. Aznabaev B.A. Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (second half of the 16th – first third of the 18th centuries AD). Ufa: Bashkir State University, 2005. 228 p. (In Russian)
3. Aznabaev B.A. Formation of the Kolmak tribal structure in the Bashkir ethnic group. *Ural Historical Journal*. 2017, no. 2 (55), pp. 78–87 (In Russian)
4. Aznabaev B.A., Bulyakov I.I. Votchina legislation in the 16th century AD and Bashkir land ownership. Bashkir society of the late 16th – 17th centuries AD according to documents from the Ufa Prikaz Izba. Collection of documents. Ufa: IIAĽ UNTs RAN (Research Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre, RAS), 2015, pp. 36–53 (In Russian)
5. Akmanov A.I. Land policy of the tsarist government in Bashkiria. Ufa: Kitap, 2000. 208 p. (In Russian)
6. Akmanov A.I. Land relations in Bashkortostan and Bashkir land ownership in the second half of the 16th – early 20th centuries AD. Ufa: Kitap, 2007. 360 p. (In Russian)
7. Historical acts collected and published by the Archaeographic Commission, vol. 3: 1613–1645. St. Petersburg: Tipografiia vtorogo otdeleniia sobstvennoj e.i.v. kantselyarii, 1841. 538 p. (In Russian)
8. Historical acts collected and published by the Archaeographic Commission, vol. 5: 1676–1700. St. Petersburg: Tipografiia vtorogo otdeleniia sobstvennoj e.i.v. kantselyarii, 1842. 572 p. (In Russian)
9. Belyakov A.V. Scribe book of Mordovian villages of Kadomsky district of the 138th (1629/30) year. Medieval Turkic-Tatar states. Collection of papers. Vol. 5: Issues of source study and historiography of the history of medieval Turkic-Tatar states. Kazan:

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2013, pp. 154–210 (In Russian)

10. Dolgikh B.O. Clan and tribal composition of the peoples in Siberia during the 17th century AD. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 623 p. (In Russian)

11. Supplements to the historical acts collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. 4: 1846–1872. St. Petersburg: Tipografiia vtorogo otdeleniia sobstvennoj e.i.v. kantselyarii, 1851. 445 p. (In Russian)

12. Islaev F.G. Scribe book of the Perm Tatars. *Gasyrlar avazy* = *Echo of centuries*. 2008, no. 1, pp. 45–59 (In Russian)

13. History of the Bashkir people: in 7 volumes. Vol. 3. Ufa: Gilem, 2011. 476 p. (In Russian)

14. Iskhakov R.R. Obrok votchinas of the Tatars of the Western Urals (late 16th – early 17th centuries). Southern and Middle Urals from Khan Batu to Nicholas I. Chelyabinsk: Foundation for the Preservation of Cultural Heritage “Southern Ural”, 2023, pp. 35–59 (In Russian)

15. Korepanov N.S. "Mountain power" and the Bashkirs in the 18th century: collection of documents. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/110g2.htm> (accessed 16.05.2024) (In Russian)

16. Kuzev R.G. Origin of the Bashkir people: Ethnic composition, history of settlement / ed. By T.A. Zhdanko. Moscow: Nauka, 1974. 570 p. (In Russian)

17. Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Turkic groups of the Southern Trans-Urals in the 15th–17th centuries AD: state, administrative, territorial, and ethnosocial transformations. *Zolotoordynskoe obozrenie*=*Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 363–396. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396> (In Russian)

18. Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Turkic yasak volosts in the Isetsk region in the first half of the 17th century AD. *Voprosy Istorii*. 2017, no. 1, pp. 57–72 (In Russian)

19. Materials on the history of the Bashkir ASSR. Vol. 4. Part 2. Ed. by N.V. Ustyugov. Moscow: Nauka, 1956. 596 p. (In Russian)

20. Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part 1. Ed. by A. Chuloshnikov. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1936. 631 p. (In Russian)

21. Miller G.F. History of Siberia. Vol. 1. Ed. by I.I. Meshchaninov. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1937. 607 p. (In Russian)

22. Miller G.F. History of Siberia. Vol. 1. 3rd ed. Ed. by Batyanova E.P., Weinstein S.I. et al. Moscow: Vostochnaia Litetatura, 2005. 630 p. (In Russian)

23. Miller G.F. History of Siberia. Vol. 2. 2nd supplemented edition. Ed. by E.P. Batyanova, S.I. Weinstein, et al. Moscow: Vostochnaia Litetatura, 2000. 796 p. (In Russian)

24. Miller G.F. Description of the Siberian kingdom and all the affairs that took place in it, from the beginning, and especially from the subjugation of the Russian state to the present time. Book one. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1750. 510 p. (In Russian)

25. Rakhmatullin U.Kh. Peasant settlement of Bashkiria in the 17th–18th centuries AD. Peasantry and peasant movement in Bashkiria in the 17th – early 20th centuries. Ufa: Bashkir branch of the Academy of Sciences, 1981. 127 p. (In Russian)

26. Rakhmatullin U.Kh. Population of Bashkiria in the 17th–18th centuries AD. Issues of formation of the non-Bashkir population. Moscow: Nauka, 1988. 188 p. (In Russian)

27. Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission. Vol. 2. St. Petersburg, 1875. 1228 columns. (In Russian)

28. Rychkov P.I. Topography of the Orenburg Province. Orenburg: Imperatorskoe Russkoe Geograficheskoe Obschestvo, 1887 (Tipografiia B. Breslina). 405 p. (In Russian)

29. Samigulov G.Kh. Ayukinsky Kalmyks: on the history of an ethnic group. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, Series History. 2015, no. 14 (369). Iss. 64, pp. 45–50 (In Russian)
30. Samigulov G.Kh. Estates of yasak-paying people of the 16th–18th centuries from the Volga region to Western Siberia. In: Service and yasak-paying people in Russia in the 15th–19th centuries: features of land ownership, class nominations. Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera, 2022, pp. 111–126 (In Russian)
31. Samigulov G.Kh. From the history of the Trans-Ural Bashkir-Sarts (18th century), Gorokhov readings: Proceedings of the seventh regional museum conference. Chelyabinsk: OGBUK “Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey Yuzhnogo Urala”, 2016, pp. 153–159 (In Russian)
32. Samigulov G.Kh. Changes in the class group “Bashkirs” in the mid-18th – early 20th centuries AD. *From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region*. 2019, vol. 9, no. 1, pp. 34–45 (In Russian)
33. Samigulov G.Kh. Use of ethnonyms as names of yasak population groups and related problems of studying yasak volosts: Trans-Urals in the 17th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*. 2016, no. 5 (43), pp. 138–142 (In Russian)
34. Samigulov G.Kh. Teptyari and Teptyar yasak in the 17th – early 18th centuries. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, History Series. 2015, no. 24 (379). Iss. 66, pp. 25–30 (In Russian)
35. Samigulov G.Kh. The Turks of the Southern Trans-Urals in the late 16th – first half of the 18th century: consolidation/division – towards posing the question. History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Proceedings of the International Conference. Kurgan: Kurgan State University, 2011, pp. 127–131 (In Russian)
36. Samigulov G.Kh. Turkic volosts of the Verkhoturysky uезд in the 17th century. *Nauchnyy dialog = Scientific dialogue*. 2017, no. 1, pp. 183–203 (In Russian)
37. Samigulov G.Kh. Formation of the Turkic group Kalmak and the Sart-Kalmak volost in the Southern Trans-Urals in the 18th century. *Nauchnyy dialog = Scientific dialogue*. 2018, no. 9, pp. 275–294 (In Russian)
38. Samigulov G.Kh. Yasak, obrok, votchina – yasak-paying population of the Volga-Urals and Western Siberia in the 17th–18th centuries AD. Land ownership system and social categories of the population in the Volga-Urals and Western Siberia during the 16th–19th centuries AD. Proceedings of the General Russian scientific conference. Iss. 1. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021, pp. 118–129 (In Russian)
39. Samigulov G.Kh. Yasak people, foreigners, yasak and gift exchange – practical reflections on the theory. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 342–369 (In Russian)
40. Samigulov G.Kh., Maslyuzhenko D.N., Moiseev M.V. Southern Trans-Urals in the first third of the 15th – late 19th centuries AD. History of the Southern Urals in 8 volumes. Vol. 6. Chelyabinsk: Publishing Centre – South Ural State University (SUSU), 2019. 432 p. (In Russian)
41. Khamidullin S.I., Aznabaev B.A. and others. History of Bashkir clans. Vol. 19. Salyut, Tersyak, Synryan, Bikatin, Syrzy, Shuran. Ufa: Kitap, 2016. 584 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаяз Хамитович Самигулов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, проспект Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4695-5633, ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Eurasian Studies Research and Education Centre, South Ural State University (National Research University) (76, Lenin Avenue, Chelyabinsk 454080, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4695-5633, ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 25.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 01.12.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025